

ОЛЬГА
ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аукцион
НЕВИННОСТИ
ДВОЙНАЯ СТАВКА

Ольга Викторовна Дашкова
Аукцион невинности.
Двойная ставка
Серия «Двойное», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893986
SelfPub; 2023*

Аннотация

– Тебе страшно?– Нет, – соврала, хочу, чтоб все быстрее началось и закончилось.– Сними одежду.– Что? – теряюсь от такого прямого приказа.– Мы заплатили за твою девственность большую сумму, удвоив ставку. Снимай все.Мы? Это оговорка, или нет?Начинаю задыхаться, хочу отстраниться, но мне не дают.За спиной шаги, движение. На плечо опускается рука, сухая горячая ладонь, сильные пальцы сжимают до боли.А до меня доходит его сказанное: «Мы».Я продала свою несуществующую девственность на аукционе, в надежде спасти дочь. Меня купили сразу двое, но их не обмануть, а мне не уйти просто так.

Ольга Дашкова

Аукцион невинности.

Двойная ставка

Пролог

Разбуди всех своих демонов.

– Тебе страшно?

– Нет.

Соврала, хочу, чтобы все быстрее началось и закончилось. Половина суммы уже есть на счету, вторая будет только утром, таковы условия аукциона. Владелец лота должен убедиться лично, что я девственница.

– Почему тогда дрожат твои пальцы?

– Немного неуютно.

– Тебе приходилось продавать и предлагать себя раньше?

– Нет.

– Что же изменилось?

Мужчина слишком близко, чувствую тонкий аромат его парфюма, запах сигар. Он как раз сжимает ее своими крупными пальцами, ведет ими от кисти до локтя, вызывая еще большую дрожь внутри. Дым окутывает нас, проникает в легкие, хотя и так нечем дышать от страха.

Да, мне очень страшно.

– Можно я не буду отвечать на ваши вопросы? Мы ведь

не за этим здесь собрались.

– Хм... забавную мы купили шлюху.

– Я не шлюха.

Он склоняет голову, закусывает сигару зубами, хватается за подбородок, больно, но терплю.

– Смотри в глаза.

Снова дым, но, когда он рассеивается, меня парализует. Это именно тот взгляд, который я чувствовала, не видя перед собой практически ничего, стоя обнаженной на сцене ночного клуба.

Там было много мужчин, они пожирали взглядами, имели, унижали, сулили удовольствия и боль, но я остро чувствовала именно этот.

Так смотрят люди, у которых есть все. Они устали от денег и власти. Им скучно, им нужны забавы, адреналин, драйв, острые ощущения.

Но и всем этим их не удивить.

Им нужно просто кого-то поломать, услышав хруст позвонков, увидеть слезы, услышать мольбы о помощи.

Их это тоже развлекает.

Жадно вглядываюсь в крупные черты лица мужчины, губы изогнуты, нет, не в усмешке, а так, словно он трогает что-то мерзкое, грязное. Оценивает меня, еще сильнее сжимая подбородок двумя пальцами. Темные глаза, густые брови, на носу горбинка, высокий, широкоплечий, трехдневная щетина, короткая стрижка.

Его нельзя назвать привлекательным, но та энергия, что исходит от него, валит наповал.

Сглатываю, но ком так и стоит в горле, стараюсь медленно дышать через нос, не могу отвести от него взгляд. А он словно заглядывает в душу, обволакивая липкой темнотой, прощупывая каждый уголок, каждое укромное место, где могут быть скрыты все мои тайны.

– Отпустите. Больно.

– Молчи, здесь говорю я. И мне решать, когда и как делать тебе больно или хорошо.

Спина леденеет. Я чувствую, как пахнет мой страх, который я источаю. Хватаюсь за его локоть, но сразу отпускаю.

– И ты будешь трогать меня, когда я скажу. Ты на двадцать четыре часа наша кукла.

Прикрываю веки в знак того, что я все поняла, меня отпускают, но легче не становится. Почему я думала, что все пройдет просто и легко? Что нужно будет всего лишь лечь, раздвинуть ноги и отрешиться от происходящего. Наивная.

– Сними одежду.

– Что? – теряюсь от такого прямого приказа.

– Сними с себя все. Хочу еще раз видеть, за что мы заплатили.

Наша? Мы? Не понимаю этих фраз.

Но я совсем забыла, зачем сюда пришла. Напомнили.

Развязываю пояс пальто, затем расстегиваю пуговицы, не знаю, куда его деть, кидаю под ноги. У меня нет задачи со-

блазнить, нужно просто провести ночь и подарить, нет, точнее будет сказать, отдать купленный на аукционе товар – свою девственность.

Мужчина отворачивается, подходит к бару, наливает себе в бокал алкоголя, садится в кресло, которое ярким пятном выделяется на фоне темного интерьера, и снова уничтожает взглядом.

Может, он извращенец? Сейчас на меня наденут наручники, ошейник, в рот засунут кляп, поставят раком и будут всю ночь насиловать в извращенной форме.

Я не исключаю такого расклада. Я знала, на что шла.

Пальцы начинают дрожать еще больше, не могу расстегнуть молнию на спине рабочего платья. Ушла после своей смены в гостинице, сняв только беджики и фартук, не надев предложенный наряд после аукциона. Сердце колотится в бешеном ритме, но как-то справляюсь с замком.

Платье опускается к ногам, перешагиваю его. Господи, пусть это все пройдет быстро. Не могу смотреть на мужчину, оглядываюсь по сторонам, мы в гостиной, здесь нет кровати, только диван, но он огромный, занимающий почти все пространство.

На стеклянном столике – массивная пепельница, рядом коробка с сигарами, задерживаю на ней взгляд.

Стою в одном белье, самом простом, в колготках и туфлях на невысоком каблуке. Понимаю, что надо раздеваться дальше, но жду приказа, как толчка в пропасть.

Молчит.

Ждет.

Расстегиваю лифчик, бросая его в кучу вещей, заливаясь стыдом, снимаю колготки и трусики. Колотит от холода, кожа покрывается мурашками, а спина – испариной.

– Опустись на колени и ползи ко мне.

Господи, за что мне все это? Я ведь хочу сделать добро. Почему для этого нужно пройти через унижения, ломая себя, втапывая в грязь?

Я и есть грязь в его глазах.

Девка, которая продала себя подороже, даже не проститутка, те ежедневно обслуживают клиентов, это их работа. А я же нашла более легкий способ сорвать куш.

– Ты глухая?

– Нет.

Опускаюсь на четвереньки, длинные, не собранные волосы рассыпаются по плечам, задевают пол. Я, передвигая ногами и руками, двигаюсь в сторону мужчины.

Когда оказываюсь совсем близко, сажусь на колени, снова смотрю в его глаза. Становится холодно, так, что трясет, это стресс, зря не выпила коньяка, а девочки предлагали.

– Как тебя зовут?

– Зачем вам мое имя?

– Ты забыла, о чем я тебе говорил недавно? Здесь я задаю вопросы, и я решаю, что ты делаешь.

Вздрагиваю от испуга, когда в углу бьют часы, так громко,

отмеряя своими ударами, сколько мне осталось еще жить.

– Александра.

Густой сигарный дым обволакивает, хочется раствориться в нем, исчезнуть. Потому что я наверняка не выберусь из этого особняка живой. Да что там, из этой комнаты.

Радует лишь то, что часть денег дошла, я сама видела переведенную сумму, мне показали устроители аукциона, что она была благополучно переведена на счет. Бабушка утром снимет, так надежнее, отнесет в клинику, а там начнут шевелиться.

– Мы заплатили за твою девственность немаленькую сумму, ставки были высоки.

Мы? Снова эта оговорка. Или нет?

Сжимаю кулаки, не понимаю, отчего больше трясет: от страха или холода? Глубоко дышу, звон пряжки ремня, как щелчок предохранителя, взрывает нервную систему.

– Тебе снова говорить, что ты должна делать?

– Нет, я все поняла.

– Делала минет раньше?

– Нет.

Опускаю глаза, потому что чувствую, как он считывает мою ложь, воздух электризуется, облизываю пересохшие губы.

Не знаю, на что я надеялась, идя на эту авантюру? Мне были нужны деньги, быстро и много, очень нужны. Спонтанное решение, дурацкий план, наиглупейший, в надежде на

то, что мужчина ничего не почувствует, будет пьян или под кайфом. А там я уже сымитирую, порежу палец, испачкаю себя и его.

Не поймет, что я продала пустышку.

Что я не девственница.

– Смотри в глаза.

Кусаю щеку изнутри до боли, смотрю, а у самой все обрывается внутри. Он словно гипнотизирует меня, забравшись в голову, где уже яркими вспышками мелькают картинки, одна откровеннее другой.

Начинаю задыхаться, хочу отстраниться, но мне не дают.

За спиной шаги, движение, оборачиваюсь, но вижу только чьи-то ноги, в мужских, до блеска начищенных ботинках.

На плечо опускается рука, сухая, горячая ладонь, сильные пальцы сжимают до боли.

А до меня доходит его сказанное: «Мы».

Глава 1

– Ты почему так рано проснулась, солнышко?

Улыбаюсь, смотрю в сонные глаза дочери, они у нее синие с темными лучиками. Заправляю короткие пряди волос прядь за ушко, сама прикусываю губу, чтобы не заплакать, совсем недавно они были длинные и выющиеся.

– Сон плохой.

– Это всего лишь сон, милая, все плохое осталось в нем.

Беру малышку на руки, такая легкая стала, целую, она крепко обнимает меня. Мое сердце переполняют и радость,

и боль одновременно. Как можно было уготовить ей такую сложную судьбу? Она – мой ангел, и зовут ее Ангелина.

– А ты куда так рано уходишь?

– На работу, милая, ты будешь с бабулей, я приду поздно.

– Не уходи, мамочка.

Дочь начинает плакать, пытаюсь ее отвлечь, не показать собственных слез. Я должна быть сильной, ради нее. Ради ее сердечка.

– Смотри, какой красивый единорог, как ты его назвала?

– Сеня.

– О, какое интересное имя для сказочного существа.

Маленькую плюшевую игрушку купила вчера, в детском магазине есть корзина «Распродажа», у розового единорога с радужным длинным хвостом был оторван один глаз. Пришила две одинаковые пуговицы, дочка очень обрадовалась, такое счастье видеть ее улыбку.

– Пойдем, покажем Сеню бабуле и, конечно, покормим его кашей, чтобы он вырос в сильного и резвого скакуна.

– Он не будет таким, он же волшебный.

Дочка устроилась удобнее, вытерла слезы, погладила игрушке хвост, сделала губки бантиком, всегда так делает, когда задумывается.

– Он, когда немного подрастет, сможет выполнять любые желания, сейчас он еще совсем малыш. Даже самые заветные.

– Совсем любые?

– Да, я загадаю, чтобы больше не бывать в больницах и чтобы папа пришел ко мне. Он ведь не приходит, потому что я больная, я знаю, так говорила одна тетя, а еще, что такие дети, как я, никому не нужны.

Шею бы сломать той тете, зла не хватает! Как можно быть гадкой и бесчеловечной, чтобы говорить такое при ребенке?

– Это была очень злая тётя, не слушай никого и не верь плохим словам. Ты моя самая лучшая девочка на свете, и все будет хорошо, осталось совсем немного.

– И мой папа ко мне придет?

Не знаю, что ответить дочери, ее папа ни разу не приходил и никогда не придет, ему не нужна дочь, никогда не была нужна.

– Обязательно придет, потому что ты самая прекрасная и сильная девочка на всем свете, да еще с волшебным единорогом Сеней. Пойдем, умоемся, бабушка сварила кашу.

Идет в ванную, в маленькой бабушкиной квартире совмещенный санузел, все уже такое старое от времени. Но на ремонт не то что нет сил и времени, нет денег. Бабушкиной пенсии и моей зарплаты хватает на коммунальные услуги, скромную еду, большая часть уходит на лекарства для Ангелины.

Врачи поставили диагноз – дефект межпредсердной перегородки. Скорее всего, Ангелина уже родилась с ним, но чем старше она становилась, чем активнее двигалась, тем ярче проявлялись симптомы данного заболевания.

Все началось полгода назад, после того как дочери исполнилось четыре года, частые простуды, сильная утомляемость, одышка. Сначала нужно было дорогостоящее обследование, затем препараты, поддерживающие хотя бы нормальное состояние ребенка.

Клиники тянули все больше денег, настаивали на операции в университетском госпитале Стамбула, стоимостью больше миллиона рублей, и, конечно, чем раньше, тем лучше. А еще деньги на перелеты, проживание, восстановление.

Голова шла кругом, руки опускались, я не знала, за что хвататься и у кого просить помощи.

– Ты сегодня опять допоздна?

Бабушка даже не смотрит на меня, разливает чай, ей тоже нелегко одной весь день с маленьким ребенком, и он не понимает, почему ему нельзя бегать по парку, как всем детям, кататься на велосипеде, о котором Ангелина так давно мечтает.

– Да, возьму ночную смену, есть работа в прачечной и на кухне, я договорилась с менеджером, лишние деньги не помешают.

– Саша, ты хоть понимаешь, что, работая такими темпами, ты себя загубишь? На тебе лица нет, под глазами круги, ладно, я старая, мне помирать скоро, но ты-то должна думать о будущем, ни одному ребенку не нужна замученная мать.

– Не говори ерунды, ты будешь жить сто один год, я тебе это обещаю.

Не обращаю на ее слова внимания, редко теперь смотрю на себя в зеркало, это незачем. Мне скоро двадцать пять лет, но ощущение, что в три раза больше, от нервов совсем мало ем. Да и какая мать будет бегать бодрая и веселая со здоровым румянцем на щеках, когда ее ребенок практически медленно умирает?

– Ты бы оставила свою гордость и сходила к ее отцу.

Бабушка кивает на Ангелину, та сидит в детском стульчике, кормит единорога с ложки кашей, что-то бормочет под нос, такая забавная.

Долго смотрю на бабушку, моя самая добрая и сильная женщина на свете, только она не дала мне с ребенком окончательно увязнуть в нищете после его рождения.

Нина Павловна – мой ангел-хранитель, без нее я бы совсем опустила руки. От меня отвернулись все: мать, отчим, отец Ангелины выгнал с работы, по его же протекции отчислили из института. Долгая история и неприятная.

Поджимаю губы, отворачиваясь к окну. Да о какой гордости может идти речь? Я пять раз к нему ходила, готова была на коленях стоять у порога дома, но охрана не подпускает близко, а сейчас его вообще нет в стране.

– Я ходила, ему все равно.

Отвечаю, глядя бабуле в глаза, она понимающе кивает, медленно размешивает сахар в чае.

– Не забудь дать Ангелине лекарство и, если позвонят из клиники, запиши всю информацию, вдруг я буду недоступ-

на, в цоколе, где прачечная, плохо ловит сигнал.

Быстро целую дочь и бабушку, в прихожей накидываю пальто и платок на голову, проверяю телефон, мелочь на проезд, хватаю сумочку. На улице только рассветает, прохожих не так много, сосед выгуливает болонку, машет рукой, улыбаюсь.

Конец октября, лужи скованы тонким льдом, он громко скрипит под подошвой, поднимаю воротник, чтобы укрыться от холодного ветра. У меня сегодня сложный день, решающий.

Оттого, как все пройдет, зависит не только здоровье дочери, но и моя жизнь. Доехав в тесной маршрутке до нужной остановки, прохожу вперед двести метров, сворачиваю к центральному входу гостиницы.

Отель сверкает огромной золотой надписью «Империял» на сером фасаде. На широком крыльце в больших вазонах декоративные ели, стекла на панорамных окнах начищены так, что кажется, стекол нет вовсе.

Два администратора за стойкой что-то сосредоточенно пишут в журнале посетителей. Начальник службы безопасности стоит рядом.

Хороший мужик, но сейчас совсем не до его ухаживаний.

Иду к служебному входу для персонала. В раздевалке переодеваюсь в униформу горничной. Да, у девочки, подающей большие надежды, отличницы и спортсменки, были другие планы на жизнь. Александра Аверина хотела управлять та-

кими отелями, делать комфорт еще лучше, находиться среди стекла, мрамора, живых цветов и шикарных интерьеров. Что ж, все почти сбылось.

Но я не управляю. А чищу дорогие унитазы, заправляю на кровати белье из натуральных тканей, убираю за гостями использованные презервативы и полные пепельницы.

Из всех мест, где мне до этого довелось работать, а было их немало – от придорожных забегаловок до второсортных мотелей, этот отель самый престижный и дорогой в городе. Устроиться получилось по знакомству, помог тот самый сосед с болонкой, дядя Женя, здесь поваром работает его племянница.

Но сегодня мои мысли совсем не о работе, а о том, что будет вечером.

Как странно порой устроена наша жизнь, она подкидывает случайные встречи, а затем неожиданные решения. И именно от тех людей, помощь от которых ждешь в последнюю очередь.

Но недаром говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад.

Я ступила на нее без оглядки.

Глава 2

Несколько дней назад

– Аверина, ты ли это?

Иду по коридору отеля, погруженная в свои мысли, не замечая ничего и никого вокруг. Меня окликает звонкий жен-

ский голос, останавливаюсь.

Снежана Перова, одноклассница моя, строгий брючный костюм бежевого цвета, через локоть перекинута норковое манто. Блондинка с короткой стильной стрижкой, яркие губы.

Вот именно встречи с ней мне не хватало все это время.

– Здравствуй, Снежана.

– Аверина, ты работаешь здесь? Тебе идет форма, белый фартук, черное платье, как в гимназии нашей, помнишь? А ты ведь учиться пошла на гостиничный бизнес? Решила начать с низов, так сказать?

В голосе и взгляде Снежаны нет злорадства, она просто констатирует факт, что я и так ничего не добилась бы. Она еще со времен нашей суперпрестижной гимназии указывала мне на место, где я должна быть, естественно, ниже нее на несколько ступеней.

– Да, немного не вышло так, как хотелось.

– Бывает... – Девушка сочувственно кивает, продолжая меня разглядывать. – А ты что сейчас делаешь? Пойдем, потрещим, наших вспомним, кто, где, что, как.

– Извини, Снежан, работы много.

Я не знаю, о чем с ней трещать, у меня больная дочь, которая не нужна собственному отцу, пожилая бабушка, я работаю в три смены. У нас не может быть никаких общих тем для разговоров.

– Обидно, да всего пара минут, кофе выпьем, я догово-

рюсь с администратором и управляющим.

Она договорится?

Что вообще Снежана делает в нашем отеле? Она вроде как пошла по великому благу в медицину, у нее вся семья – кто в гинекологии, кто в стоматологии.

– Давай, пойдем, Аверина, не будь букой, как обычно. Лёвушка и слова не скажет, у него жена на днях рождает. А угадай, где она будет рожать? Конечно, у папы в клинике.

Лев Михайлович – наш управляющий, это он тут заведует всеми делами, но горничных не касается, у нас есть своя начальница. Хозяйка «Империаля» живет в Греции, у нее четверо детей, прилетает раз в год, я ее так еще и не видела, но зато историй о ней наслушалась сполна.

Снежана тянет меня в сторону ресторана, не сопротивляюсь, у меня как раз обеденный перерыв полчаса. Мегера Оксана Валерьевна уехала по делам, я хотела провести его в поисках благотворительных фондов, куда можно подать данные на сбор денег для Ангелины.

А может, у Перовой занять?

Они богатые, вдруг не откажет? Ее шуба, туфли, украшения стоят как операция моей дочери. Кто сказал, что просить деньги на спасение жизни неудобно? Тому просто не дорога жизнь близкого.

Садимся за дальний столик, Снежана заказывает два кофе, гостей в зале немного, обед уже прошел.

– Ну, рассказывай, как жизнь? Вижу, что не особо, круги

под глазами, цвет лица серый, надо к косметологу сходить и непременно съездить в Европу на воды.

– Да у меня неинтересная жизнь. Как сама, как работа? Ты ведь так хотела быть моделью, я помню, грезила подиумом и высокой модой.

Перова на самом деле была жуткой модницей и выпендрежницей, самая яркая, красивая, дерзкая, уверенная. Так, наверное, и надо воспитывать девочек, при условии, конечно, что есть деньги, которые придают им уверенности и дерзости.

Почти восемь лет прошло, как гимназию окончили, хорошие были годы, хотя тогда казалось, что ужасные. Подготовка к экзаменам, выбор вуза, мы все полны планов и надежд. Это не считая ту, другую жизнь, что была вне гимназии.

Я еще общалась с матерью и кое-как с отчимом, выбирала платье на выпускной, принимала знаки внимания первого и самого крутого парня гимназии Святослава Воскресенского и, конечно, зацепом – нападки Снежаны, которая по нему сохла.

Веселая школьная жизнь со всеми ее взлетами и падениями, событиями, которые ты принимаешь слишком близко к сердцу, и кажется, что весь мир, еще немного, и рухнет.

Но рушиться он начинает по иным поводам. Жизнь учит, наказывает, делает сильнее. Но вот непонятно для чего.

– Ой, да какая модель? Разве папа позволит? Семейный бизнес – это святое. А твой-то вроде хотел, чтобы ты пошла

по его стопам.

– Не хотелось, да там есть, кому идти, – поморщилась, вспоминая ежедневные скандалы, истерики матери, что нужно быть благодарной, дядя Витя так старается, мы должны ему помогать.

Отчим, за которого так удачно, по ее мнению, вышла мать, владел во всей области помойками и мусоровозами. Самый крупный региональный оператор, как это сейчас называется. Мусорный «король» Виктор Иванович Жданов.

Не хочу думать о своей семье, матери, которая отвернулась от меня, отчине, сводных братьях, там вообще все сложно, даже мерзко и грязно.

– А ты помнишь Свята Воскресенского? Да, конечно, помнишь, у вас же был роман?

– Нет, у нас ничего не было.

– Да как же не было? Он ведь спорил с ребятами на твою девственность и выиграл.

– Выиграл? Это когда такое было?

Состояние, слегка близкое к шоковому, хотя прошло столько лет, и мне абсолютно все равно, что там случилось и кто на кого спорил. Но просто интересно, до какой степени может еще опуститься человек в своей подлости?

– Извини, лишнего сказала.

Принесли наш кофе, Снежана отпила глоток.

– Так вот, Воскресенский в столице какой-то важный банковский сотрудник, папашка ему филиал скоро подарит.

– Снежан, так я не поняла, что был за спор?

Подвинулась ближе, любопытство взяло верх. Хотя не понимаю, зачем мне это надо? Разговор с одноклассницей, которая меня открыто презирала.

– Ой, ну блин, Саш, это все детские забавы, что сейчас-то вспоминать? Дурак и Воскресенский, и его пацаны, поспорил, мол, девственности тебя лишит, и лишил.

– Кто? Святослав?

– Ну. На выпускном.

– Он не лишал меня девственности, Снежан, моим первым мужчиной точно был не он.

– Да? Ну, я же говорю, детские забавы.

Снежана мнется, ей явно неудобно и неуютно, отводит глаза, крутит пальцами чашку с кофе.

– Слушай, что расскажу, только никому...

Сижу, оглушенная предыдущей новостью, а она хочет вывалить на меня еще что-то. Вот не виделись мы семь лет, и не видеться бы дальше.

– У нас в городе раз в два месяца приводится аукцион, я тут сегодня именно по этому поводу была, обсуждали дату и время.

– Что продаете? Картины?

– Девственность.

– Шутишь?

– Девушки очень выгодно и очень дорого продают себя богатым мужчинам. Там у них свои заморочки: кто заиклен

на невинности, кто просто решил вспомнить молодость, кто таким образом делает подарок партнерам.

– Ужасно. Торговля живым товаром у нас в городе?

– Так это дело добровольное, никто никого не принуждает и не ворует в подворотнях. Девушки приходят сами, мужчины их оценивают и делают ставки.

– И дорого?

В голове идея, догадка загорелась яркой лампочкой.

– Мне нельзя присутствовать на аукционе, только девушка, потенциальные покупатели её невинности и администратор. Я, как гинеколог, подтверждаю их невинность.

– Хоть примерно за сколько можно ее продать?

– Миллион, два, может, больше.

– Рублей?

– Конечно.

– А деньги дают сразу?

– Нет, часть уходит на счет в течение часа, а вторая половина только через двадцать четыре часа после того, как мужчина убедится в качестве товара.

Снежана, сама того не зная, подкинула идею. Мне, по сути, терять особо нечего, кроме дочери, за которую я готова отдать что угодно и лечь под кого угодно.

Чем я лучше проститутки? Ничем, но, в отличие от нее, у меня есть цель – заработать деньги на благое дело. Наверное, последнее дело – продавать себя, но если нет других способов, кто меня осудит?

– Следующий аукцион совсем скоро?

– Да... – Снежана задумалась. – Через пять дней, ночью.

А что?

– Я хочу принять участие.

Девушка чуть не поперхнулась сделанным глотком кофе, округлила глаза, уставилась на меня.

– Аверина, ты что, девственница? Не поверю ни в жизнь.

Она так громко смеялась, что на нас начали обращать внимание, Снежана взяла салфетку, вытерла выступившие на глазах слезы.

– Мне нужны деньги, много и как можно быстрее. Ты можешь дать в долг два миллиона?

Смотрю прямо, чувствую, как холод идет по спине и леденеют руки. Мне не впервой просить денег, это не коробит. Но кто-то отказывает культурно, как в банке отклоняют заявку на кредит, кто-то врет, опустив глаза, что у него нет, кто-то вообще не хочет слушать. Мне не привыкать, я все понимаю и всех, но вот только меня понять не могут.

– Да на что тебе такие деньги? Хотя понимаю, нужно валить даже из этого отеля, открыть свое дело.

– Нет, мне не для этого, не могу сказать, но они очень нужны. Не прошу помочь бесплатно, двадцать процентов от суммы твои. Я все переведу, без обмана.

Глава 3

– Саш, ты чего сегодня такая заторможенная? Что-то случилось?

– Не выспалась, все нормально. Помоги лучше.

Вдвоем с Лидой натягиваем простыню на огромный матрас, затем одеяло, сверху покрывало. В гостинице всего пять номеров «суперлюкс», здесь другой дизайн, очень красиво, роскошно.

Оксана Валерьевна, наша начальница, сука еще та, поставила меня сегодня с Лидой, ее напарница заболела, до этого я убирала более скромные номера. Лида не закрывала рот, постоянно что-то или кого-то обсуждая. Не понимаю, как с ней вообще можно спокойно работать?

Четыреста четырнадцатый – один из номеров класса «люкс», стоит наверняка бешеных денег за ночь, будь я в другой ситуации и с другими мыслями, рассмотрела бы все более тщательно.

Сегодня аукцион, мне надо быть по нужному адресу в десять вечера, Снежана уже будет там. Она должна провести еще один осмотр, зафиксировать в очередной раз, что я девственница. Потом необходимо подписать бумаги, а дальше – сам аукцион. Все это со слов моей бывшей одноклассницы, мол, ничего сложного и страшного. Вышла, постояла десять минут и получила деньги.

Еще три дня назад я позвонила по одному номеру, чтобы предложить свою кандидатуру, сослалась на Перову. С улицы я так понимаю, там не берут. Отбор как в престижный вуз – пятнадцать человек на место.

Смешно и горько.

Довольно приятный мужской голос задал несколько вопросов, возраст, как мое здоровье, еще что-то, уже не помню.

Был страх, что они начнут проверять все мои данные, узнают о дочери, обман вскроется сразу. Но чуть позже тоже приятный голос сообщил, что я должна явиться в клинику для осмотра, а потом он уже сообщит, во сколько и где нужно быть.

— Вроде все, да? Пойдем, мегера сказала подготовить триста тринадцатый, там какие-то важные гости должны приехать. Говорила так, словно Киркоров заселяется.

Качу тележку к лифту, Лида уверенно вышагивает впереди. Достаю свой телефон из фартука, смотрю на сообщения, бабуля пишет, что Ангелина покушала, снова заснула в обнимку с единорогом. Время всего десять утра, а меня начинают накрывать паника и дикий страх.

Вдруг ничего не получится?

— Аверина, я сколько раз объясняла, чтобы никаких телефонов во время работы, это отвлекает и пагубно влияет на работоспособность. Я сейчас его у тебя заберу и отдам только в конце смены.

Сука, как же я ее ненавижу!

— Извините нас, Оксана Валерьевна, я лишь посмотрела, который час, мы убирали номер час пятнадцать, а можем и быстрее, но также качественно. Надо повышать работоспособность, как вы говорите, от каждого из нас зависит успешность отеля.

Женщина, которая стоит в приехавшем к нам лифте, склоняет голову, выходит в коридор, осматривает нас с Лидой. Красиво уложенные темные волосы, легкий макияж, ей даже идет полнота. А если не знать характер и нрав нашей мегеры, то с виду вполне приятная женщина.

Но это далеко не так. Каждый день кто-то из девочек-горничных грозитя уволиться, льет слезы в раздевалке, каждый день кого-то грозитя уволить она и крик стоит на всю гостиницу.

– Хорошо, Аверина, врать ты умеешь складно, но чтоб в телефон играла в последний раз. И не забудь, вечером ты помогаешь на кухне, сама просила дать подработку.

– Но...

– Что значит «но»? Вот только не говори, что ты не можешь именно сегодня. Я пошла тебе навстречу, дала работу, вошла в твое положение матери-одиночки, а ты мне сейчас «но»?

Это невыносимая баба, она как танк, прет, давит, размывает тебя, не дав сказать и не понимая сказанного.

– Я все помню, спасибо, Оксана Валерьевна.

– Работайте, – коротко бросила, как приказ собакам, и прошла по коридору.

– Нет, ты видела, что за сука?!

Вошли в кабину лифта, Лида нажала на кнопку, поехали вниз.

– Тварь конченная, это баба без секса, сразу видно, ебать

ее никому.

– Лида, ты не думаешь, что здесь камеры не только пишут изображение, но и звук? – показываю на мигающий огонек в углу.

– Твою мать! Надо у охраны спросить, хотя они такие все важные, к ним не прорваться. – Лида заговорила шепотом, косясь на камеру.

– Спроси.

– А может, ты? Ну, Вадим к тебе неровно дышит, как только ты у нас появилась, начальника безопасности «Империи» повело в сторону.

– Прекрати, ничего подобного.

Мне сейчас на самом деле не до ухажеров и романов, да и раньше было не до них. После рождения дочки разрываюсь между ней и работой, хорошо, бабушка помогает. Я совсем не обращаю ни на кого внимания, а уж тем более на себя и свою внешность, а мне скоро двадцать пять.

Идем к нужному номеру, Лиду понесло на любимой волне сплетен и интриг, даже глаза заблестели. Хорошая она девчонка, ровесница моя, парня вроде нет или был, не спрашивала, меня мало волнует чья-то личная жизнь.

– Ой, как же ничего? Я же вижу, как он смотрит на тебя и слюни пускает. А ты такая неприступная, гордая, кстати, мужиков это заводит еще больше. Ему нужно покорить эту крепость, чтобы девица выбросила белый флаг и трусики.

– Где ты такого набралась?

– Романы любовные читаю, господи, какие там мужики, голова идет кругом. И почему в жизни одно мурашье, мамин сынки или женатые придурки? О, вот это апартаменты, я понимаю, он еще круче, чем четыреста четырнадцатый.

Лида даже присвистнула, когда зашли в номер. Правда, все очень красиво, стильно, со вкусом. В том номере было больше пафоса, а здесь сдержанно и очень уютно, словно этот номер делали под чей-то вкус.

– В этом номере хозяйка останавливается, когда приезжает с проверкой. Вот тогда здесь такой кипиш, Валерьевна сидит за одну ночь, так ей, суке, и надо, но жучит всех нас по полной.

– Ты видела хозяйку?

– Да так, мельком, с ней управляющий Лев Михайлович общается. Она красивая, как звезда Голливуда, реально, я не вру.

Делаем свою работу, хотя тут и так все идеально, даже пыли нет, но сказали: выскоблить все до блеска.

– Полина Викторовна живет в Греции с мужиками своими и детьми.

– Как понять, с мужиками?

– Ну как понять? Богатых не поймешь, но за одним она замужем, а другой вроде как любовник.

– Шутишь?

– Вот тебе крест, говорю, что знаю, и у них все это в порядке вещей, ну, секс втроем, шведская семья. Говорят, что

с этого номера все и началось. Хозяйка тогда работала ночным администратором.

Интересная карьера от администратора до владелицы гостиницы.

– Снова ты, Лида, все сочиняешь, начиталась романов, самой пора писать.

– Да я тебе клянусь, сама не поверила, а они приехали втроем последний раз в том году. Господи, я, когда увидела ее мужичков, чуть в штаны не наложила. Один такой высокий, здоровый, глаза черные. Смотрит вроде с равнодушием, но это не так, как зыркнет – колени трясутся. Второй старше, очень представительный, седина на висках, глаза ледяные, вот реально, а на кисти татуировка – голова ворона.

Смотрю на Лиду, слушаю ее сказки, качаю головой. Зря хозяйка не приехала вчера или сегодня, я бы у нее денег попросила взаймы. Все остальное мне неинтересно.

– Работай давай, любительница романов.

Включила пылесос, физическая работа отвлекала от страха, что зарождался внутри. Не могла отрешиться или расслабиться, я ведь давно не девственница, это отдельная история моей странной жизни. А еще рожавшая, любой мужчина поймет это, наверное.

Но может, напоить его так, чтобы лыка не вязал, симитировать, что больно, покричать, пустить слезу, просить, чтобы все делал медленнее. И надо как-то незаметно порезать палец, потом вымазать себя и его кровью.

Целая операция по продаже несуществующей девственности.

Время за уборкой прошло быстро, осталось принести новый букет живых цветов, спустилась на первый этаж. Взяла тяжелую вазу, медленно иду обратно, чтобы не уронить.

– Давай помогу.

Резкое движение, из моих рук берут цветы, даже вздрогнула от испуга.

– Не надо, я сама.

– Саш, ты всегда все сама, я мужчина, я могу помочь.

Начальник службы безопасности Вадим Вересов, тот самый, которого Лида мне пророчит в ухажеры. Он пришел в отель за месяц до меня, молодой, бывший мент, ушел из органов, говорят, слишком честный. Тридцать пять лет, разведен, есть сын. Чем не вариант для матери-одиночки?

Но не вариант.

– Саша, чем ты сегодня вечером занимаешься?

Чем я занимаюсь, ему так интересно?

Трахаюсь с совершенно незнакомым мне мужчиной, если все пройдет хорошо, то я останусь живой, если не очень, всего лишь покалеченной. Если совсем все плохо пойдет, то лучший вариант – это турецкий бордель, худший – свалка за городом.

– Работаю я, ты знаешь.

Вадим останавливается, нас разделяет букет шикарных белых лилий, их аромат витает в воздухе.

– Саша, зачем ты так?

У него голубые глаза. Мой самый нелюбимый цвет, ассоциации плохие. Это все мои тараканы, но как ему объяснить?

– Извини, надо работать.

Никто не собирается давать ему надежду. Не до этого мне.

Глава 4

– А сейчас следующий лот нашего аукциона. Еще одна прекрасная нимфа, очаровательная, обворожительная девушка под номером пять.

В ушах шум, массирую виски пальцами, трясет так, что кажется, еще немного, и я сорвусь с места и просто сбегу. Но нельзя, уже нельзя. В бумагах, которые я мельком прочла, есть пункт насчет этого. Нужно будет выплатить огромную неустойку за, так сказать, моральный вред, нанесенный организаторам мероприятия.

Но я-то знаю, что никуда не сбегу. Назад дороги нет.

Я – лот номер семь. Говорят, счастливая цифра.

Сейчас ушла пятая, блондинка восемнадцати лет, Таня, кажется, милая, на щеках румянец, полная грудь, широкие бедра. Кто сказал, что здесь одни девушки модельной внешности? Здесь мы все очень разные.

Таня приезжая, к ней на вокзале подошел мужчина, представился, дал визитку, так она сама рассказала. Потом позвонили, пригласили, прошла все процедуры. Если честно, можно быть в ужасе от происходящего, подумав здраво. Какой-то аукцион, где тебя покупают в придачу с невинностью,

как невольницу – на рынке.

И ведь неизвестно, что там с тобой будет, как покупатель обойдется, какие у него странные или страшные фантазии. Что вообще будет потом? С какими травмами ты уйдешь отсюда, а вообще, уйдешь ли?

Но это выбор каждой, личный, никто не принуждает идти.

Чем не рабыня на двадцать четыре часа? Еще неизвестно, с какой поломанной психикой ты останешься и как долго потом будешь собирать себя по частям.

Я примерно знаю, что это такое.

Но у всех ведь другая картинка в голове. Приятный мужчина, постель застелена шелком, горят свечи, бокал вина, пара комплиментов. Покупатель все делает нежно, а ты получаешь первый оргазм.

Чушь.

– А ты тут как оказалась? Эй, слышишь меня?

Ко мне обращается девушка, собранные в два хвостика длинные волосы, облегающий, просвечивающийся на груди топ, короткая юбка школьницы.

– Так же, как и ты. Но у всех нас разные цели.

Не хочу ни с кем разговаривать, вслушиваюсь в голоса за дверью, но там только шум. Но этой, видимо, приспичило поговорить. Поправляю халат, что выдали, приятная белая атласная ткань, под ним на мне даже нет трусиков.

Тут у всех свой образ, я так поняла, эта – школьница, та, Таня, селянка в прозрачной сорочке и с заплетенными коса-

ми. Не аукцион, а шоу. Товар должен спеть или сплясать, ну в крайнем случае показать себя во всей красе обнаженной.

Сейчас реально начала переживать, что слишком худая, поймала себя на этой мысли и чуть не засмеялась в голос. Бабушка вечно говорит, чтобы я ела больше, пила витамины, не убивалась на работе. А как не убиваться?

– Какая цель у тебя?

– Я не хочу об этом говорить.

– А дай угадаю. Наверное, твой папаша должен много денег кредиторам, шантажирует, бьет мать. Угадала?

– Нет.

– Новая машина, квартира?

– Нет.

– Ну судя по тому, какая ты замученная, может, наркотики? Хотя нет, я анализы сдавала, на это здесь проверяют.

Она права, был не только осмотр гинеколога Перовой, но и несколько анализов. Как еще к психиатру не повели? Нам бы он тут всем не помешал.

– А первую видела? Рыжая такая, пафосная, все руки салфетками вытирала. Ее папаша выдает за какого-то своего партнера замуж, но, мол, ни-ни до свадьбы. А она его терпеть не может, решила продать целку и свалить от всех, но, ставлю пять баксов, найдут.

– А эта толстушка?

Стало даже интересно, вроде мы находились все в одном помещении, а я не слышала их разговоров.

– Деревня, приехала учиться на агронома, колхоз поднимать с коленей. Там мужиков, наверное, нет у них, восемнадцать, а все девочка, обычно такие молодые да ранние. Говорит, лучше так, чем кому попало и бесплатно. Циничная пошла лимита.

А она забавная, думала, что глупышка, но нет, смышленная. Девушка поправила хвостики, надула пузырь жвачки, он громко лопнул. Симпатичная, пухлые губы, веснушки, на вид точно лет четырнадцать.

– А ты здесь как?

– Денег решила заработать, у меня три брата, и да, мне почти девятнадцать, и я еще девственница. Сама понимаешь, с братьями много не погуляешь, любой мой парень ходил с разбитой рожей, после этого не появлялся.

Мои сводные братья были кончеными отморозками, но сейчас, конечно, бизнесмены, круче вареных яиц. Ненавижу их.

– Так, школьница, давай шевелись, твой выход.

В комнату заглянул мужчина, мельком посмотрел на меня, кивнул, девушка встала, поправила юбку, приклеила жвачку к зеркалу.

– Бывай, подруга, несладко тебе придется. Если что, бей в кадык резко, со всей силы.

Осталась одна.

Не хочу ничего, только чтобы это все быстрее закончилось и моя дочь выздоровела. Разве мне жалко себя и свое тело?

Нет, ради нее нет.

Прикрыла глаза, вспоминая, какая я была раньше, веселая, беззаботная, мне нравилось, что мы с мамой жили вдвоем, нам никто не мешал. А потом, как черт из табакерки, появился ее новый мужчина, и моя жизнь, кажется, именно с этого момента покатилась в пропасть.

– Девушка, ваш выход.

– Да, хорошо.

Нервно кусаю губы, наверное, уже в кровь, чувствую ее металлический привкус, сильнее затягиваю на талии халат, иду за мужчиной. Темный коридор, считаю шаги, чтобы не сойти с ума.

Яркий свет бьет в глаза, зажмуриваюсь. Большое пространство, где-то играет музыка. Это клуб, а я на сцене, где обычно показывают шоу-программы. Передо мной лишь стул и направленные на него огни софитов.

– Как вы поняли, господа, самое сладкое мы оставили напоследок. Лот номер семь, прекрасная, хрупкая, нежная, как цветок лотоса, девушка.

Мужчина в строгом костюме протянул мне руку, подвел к стулу, но присесть не предложил. Горло сдавило спазмами, еще немного, и не смогу дышать, так бывает, когда испытываю перенапряжение и страх.

Посмотрела в зал, практически ничего не видно, лишь густой сигаретный дым, запах алкоголя и терпкого парфюма.

– Настоящий цветок, гладкая кожа, волосы, струящиеся,

словно шелк. Представьте эту девственницу в своих объятиях, как она отдает вам самое ценное – не тронутое никем лонно.

Меня презентовали как красивую куклу. Надеюсь, дорогую, иначе для чего все это?

– А сейчас лот номер семь снимет халат и покажет свое божественно прекрасное тело.

– Давай уже, не тяни, покажи, детка, сиськи! – Выкрик из зала, вздрагиваю, сильнее цепляюсь за пояс.

– Минутку терпения, господа, не пугайте девушку.

Понимаю, что надо раздеться, таковы условия, медленно развязываю пояс, он из рук падает на пол, закрываю глаза, глубоко вдыхаю, стараясь унять сердцебиение.

Становится еще холоднее, когда оголяю плечи, грудь, живот, халат падает к ногам, не знаю, куда деть руки. Это как самый страшный сон, когда ты стоишь перед классом голая, над тобой все начинают смеяться, а тебе некуда деться.

Но вокруг не противные одноклассники, а взрослые богатые мужчины, которые сейчас будут делать ставки, покупать то, чего нет.

От этого страшно еще сильнее.

Кажется, все мои рецепторы обострились, слышу чье-то тяжелое дыхание, щелчок зажигалки, льющийся в бокал алкоголь. А еще чувствую взгляды, они скользят по телу, как гремучие змеи, холодные, липкие, обвивают, душат.

Шатаюсь на высоких каблуках, открываю глаза, а меня па-

рализует.

Кто-то смотрит, нет, не так, как другие, этот взгляд лишает воли, облизываю губы, хотя не стоило так делать и провоцировать всех собравшихся.

– Даю сразу полмиллиона! – Выкрик из зала.

– Миллион!

– Миллион сто!

– Миллион триста! – Характерный кавказский акцент, а меня сейчас вырвет прямо на сцену.

Глава 5

Стараюсь выровнять дыхание, все равно ничего уже не изменить, я не могу сбежать, отказаться от задуманного.

– Миллион четыреста! – Другой голос, более уверенный, громкий.

Ведущий говорит не замолкая, нахваливая мои прелести, еще немного, одно слово, и он перешагнет грань дозволенного, за которой – пошлость и грязь.

Да о чем я вообще думаю? Все здесь пошлость и грязь, а я с таким удовольствием вываливаюсь в ней.

Сжимаю кулаки, немного приводя себя в чувство болью. Глаза привыкли к яркому свету, хочу прикрыть обнаженное тело, но нельзя. Оглядываю зал, кажется, что слишком много людей.

Неужели здесь собрались такие ярые фанаты и любители девственниц? Перова говорила, что публика разная, кто-то даже делает такие подарки своим партнерам по бизнесу.

Дичь несусветная. Рынок невольниц, на мне только не хватает цепей, но, думаю, они еще будут.

Сигаретный дым, запах алкоголя и терпкого парфюма, все чаще доносится голос с акцентом, он называет суммы крупнее, а мой желудок продолжает скручивать спазмами.

Я чувствую взгляды каждого, они липкими щупальцами проходятся по коже, оставляя скользкий след. Я слышу мысли, каждое слово, все, что они сделают со мной. Чувствую похоть, сексуальную энергию, исходящую от каждого.

Но есть что-то еще, более тяжелое. Взгляд. Он давит, парализует, забирает последние силы и лишает воли.

– Миллион семьсот, господа, кто даст больше?

– Да никто больше не даст, закругляйся, моя девочка, да, красotka? Я сегодня всю ночь не буду вынимать свой член из твоей девственной киски.

Кавказский акцент, мерзкий смех, по спине бежит холодок, меня снова начинает трясти, зря не выпила хоть немного алкоголя перед выходом сюда.

– Миллион восемьсот! – Чей-то голос из зала, без акцента, но не факт, что мужчина окажется адекватным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.